

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ОДНО
ИЗ СРЕДСТВ ЭКСПЛИКАЦИИ ОЦЕНОЧНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНОВ В. СКОТТА
«THE HEART OF MID-LOTHIAN» И «THE OLD
MORTALITY» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

(El comentario traductológico como uno de los medios de exposición
del potencial valorativo de los recursos lingüísticos
(basado en las traducciones al ruso de las novelas de W. Scott
«The heart of Mid-lothian» y «The old mortality»)

©Лейла Ю. Мирзоева, Алматы (Казахстан)

Leila Y. Mirzoeva, Almaty (Kazajstán)

ISSN: 1698-322X

Fecha de recepción: 7.05.2012

Fecha de evaluación: 30.08.2012

Cuadernos de Rusística Española n° 8 (2012), 321-332

ABSTRACT

The article is devoted to the problem, which is insufficiently explored both in linguistics and theory of translation: the potential of translator's comment as a way of explication of evaluative meaning due to peculiarities of literary translation from English into Russian and intercultural communication. If there is no analogue of the certain evaluative means in target language, translator's comment can become the only means carrying out this function.

A number of the most typical cases when translator's comment is the only possible way to express the author's evaluation are considered here. Firstly, it is the use of grammatical peculiarities of the source language which are not represented in target language; secondly, it is the use of such stylistic devices as pun etc.; as a third case we can pay attention to reminiscences in literary texts. It is also necessary to use the comment if translator deals with the intensification of evaluation expressed by disclosure of an underlying form of a word, especially in case of archaic elements in its structure. Some famous novels by W. Scott in comparison with their Russian variants were used as a material for this research.

Key words: evaluation, translator's comment, intercultural communication, source language, target language, translation from English into Russian.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена малоизученной как в лингвистике, так и в переводоведении проблеме: потенциалу переводческого комментария как способа экспликации оценки в рамках диалога культур. Если в языке-рецепторе отсутствует аналог того или иного средства выражения оценки, представленного в языке-источнике, переводческий комментарий может стать единственным средством, выполняющим данную функцию.

На материале переводов на русский язык романов В. Скотта, характеризующихся обилием подобных несовпадений ввиду доминирования в них национального и историко-культурного факторов,

нами выявлен ряд наиболее типичных случаев: использование грамматических ресурсов языка-источника, отсутствующих в языке-рецепторе; употребление таких приемов, как каламбур, игра слов; литературные реминисценции; интенсификация оценки путем раскрытия внутренней формы слова (в особенности – в тех случаях, когда в нем наличествует архаика), и т.п.

Выявленные нами пять способов экспликации оценочного потенциала языковых единиц при помощи переводческого комментария позволяют говорить о его функциях применительно к аксиологической структуре и прагматической составляющей текста.

Ключевые слова: оценка, комментарии переводчика, межкультурная коммуникация, язык оригинала, язык перевода, перевод с английского на русский.

Переводческий комментарий можно расценивать как одно из вспомогательных и в то же время значимых средств в многоаспектном процессе, имя которому – диалог культур. Как указывает А.А. Гусева, адаптацию и переводческий комментарий следует рассматривать «как два основных способа компенсации смысловых потерь при переводе» (Гусева 2009: 4). В число смысловых потерь могут быть включены и потери информации оценочного характера, которая, в свою очередь, имеет особое значение для экспликации авторских интенций.

«Соответствующие сообщения в оригинале и переводе могут иметь одинаковую структуру лишь в исключительных случаях, когда обязательные способы описания данной ситуации в обоих языках совпадают. В большинстве же случаев обязательность или предпочтительность определенного способа описания ситуации в ПЯ связана с заменой способа ее описания в оригинале» (Казакова 2000). В том случае, когда в языке-рецепторе (в нашем случае это русский язык) отсутствует аналог того или иного средства выражения оценки, представленного в оригинале (т.о., данное средство присутствует в языке-источнике), переводческий комментарий может явиться незаменимым (а в ряде случаев – и единственным) способом экспликации оценки. Поэтому представляется необходимым изучение переводческого комментария не только в рамках переводоведения, но именно в пограничном аспекте: на стыке лингвистической теории оценки, изучения экспрессивности текста и теории перевода.

Основные требования к переводческому комментарий представлены в упомянутой выше работе А.А. Гусевой: «переводческий комментарий является одним из основных способов компенсации смысловых потерь при переводе; к нему следует прибегать в тех случаях, когда передача смысла в рамках текста оказывается невозможной. При этом в первую очередь следует комментировать смыслопорождающие интертекстуальные элементы. Для того чтобы комментарий мог выполнять свою основную задачу – компенсировать смысл, который невозможно выразить в рамках текста перевода, – он должен иметь лингвострановедческий характер и быть контекстуально ориентированным» (Гусева 2009: 7).

Классификация комментариев социокультурного характера, учитывающая как цель комментария, так и его лингвокультурный потенциал, представлена в работе С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация», где они подразделяются, с одной стороны, на «реальные» и языковые, с другой – на энциклопедические и исследовательские (творческие). Комментарий энциклопедического типа, ограничивается сообщением сведений об упомянутых

реальных фактах, явлениях и лицах, без экспликации связи данных сведений с художественными текстами. Исследовательский комментарий, наряду с конкретной информацией, содержит дополнительные сведения, с одной стороны, раскрывающие специфические национальные, политические, культурно-бытовые или иные коннотации, а с другой – устанавливающие связь между данным фактом, лицом, названием и т.п. и самим произведением, его персонажами и автором (Тер-Минасова 2000: 96-98).

На материале русских переводов романов В. Скотта, характеризующихся обилием смыслов, «которые невозможно выразить в рамках текста перевода» (причиной чему является доминирование национального и историко-культурного факторов в данных текстах), нами выявлен ряд наиболее типичных случаев экспликации оценочного плана текстовых фрагментов при помощи комментария переводчика. Остановимся более подробно на тех из них, в которых переводческий комментарий необходим в целях воссоздания оценочных смыслов, присутствующих в оригинале (в процессе анализа мы сочли необходимым привести оригинальный текст и перевод, которому предпослан комментарий, т.к. рассматривать комментарий изолированно от сопровождаемого им текста не представляется возможным).

Во-первых, это те случаи, когда используются грамматические ресурсы английского языка как языка-источника, отсутствующие в языке-рецепторе – в русском языке. Особую окраску их использованию может придавать его абсурдный характер, в том числе – взаимодействие с лексикой и грамматикой, чуждой для самого языка-источника:

Да будет тебе известно, — сказал Сэдлтри, обрадованный, что жена его наконец-то проявила интерес к юридическим вопросам, — что есть два сорта *murdrum* или *murdragium*, то есть того, что вы, populariter et vulgariter, зовете убийством. То есть сортов, собственно, много; бывает *murthrum per vigiliis et insidias*. А то еще есть *murthrum*, основанное на доверии.

“Whoey,” said Mr. Saddletree, delighted at having for once in his life seen his wife’s attention arrested by a topic of legal discussion — “Whoey, there are two sorts of *murdrum* or *murdragium*, or what you populariter et vulgariser call murther. I mean there are many sorts; for there’s your *murthrum per vigiliis et insidias*, and your *murthrum* under trust.”

(The Heart of Mid-Lothian, в русском переводе – «Эдинбургская темница», перевод З.Е. Александровой и С.П. Мирлиной)

По нашему мнению, именно комментарий переводчика – Сэдлтри «латинизирует» с помощью окончаний английское слово *murder* — убийство – помогает реципиенту перевода, не знакомому с латынью, воспринять комический эффект, производимый речью персонажа на читателя оригинала: в апперцепционной базе русскоязычного читателя может и не быть сведений о том, что «англо-латинское» слово-гибрид окказионального характера *murthrum* – одно из средств имплицитно-оценочной характеристики псевдо-юриста Бартолайна Сэдлтри – одного из комических персонажей романа. Следует также обратить внимание на своеобразие переводческого решения: *murthrum under trust* воссоздано переводчиком именно как *murthrum*, основанное на доверии. Таким образом, словосочетание уже не рассматривается как созданный персонажем «термин», зато воссоздается повтор слова, не подвергнувшегося

графическому освоению в языке-рецепторе, что, конечно, не продуцирует того же комического эффекта, что и оригинал, в полной мере, и не может исключить необходимости переводческого комментария, но подчеркивает чужеродность самой лексической единицы.

Сопредельным случаем является использование искаженного иноязычного слова (в данном случае мы также можем говорить об имплицитной оценочной характеристике персонажа, в речи которого используется данная лексическая единица). Приведем в качестве примера микроконтекст из романа В. Скотта «The Old Mortality» (в русском переводе – «Пуритане», перевод А.С. Бобовича):

<p>Но послушайте, вы, сдается мне, <i>bon camarado</i>, как говорят испанцы, и я должен поделиться с вами блестящими соверенами вашего почтенного старого дяди. Таков уж закон среди нас, рубак; мы не можем безучастно смотреть на товарища, когда он в нужде, а у нас позвякивает в кармане.</p>	<p>But, come, as you are to be a <i>bon camarado</i>, as the Spaniards say, I must put you in cash with some of your old uncle's broad-pieces. This is cutter's law; we must not see a pretty fellow want, if we have cash ourselves."</p>
--	--

В комментарии переводчика – *добрый товарищ (искаж. исп. buen camarada)* – подчеркивается, что персонаж искажает испанское слово; следовательно, под сомнение ставится его владение языком, что является косвенным показателем уровня образованности персонажа. Может ли искаженное испанское обращение являться имплицитно оценочной характеристикой персонажа? На наш взгляд – да, поскольку этот персонаж романа (пусть и не центральный) – сержант Босуэл, Френсис Стюарт, предметом особой гордости которого является «королевская кровь». Таким образом, комментарий дополняет и вносит особые штрихи в оценочную палитру, свидетельствуя косвенным образом о том, что перед нами персонаж, стремящийся подчеркнуть свою образованность и не имеющий ее на самом деле, «что плохо»: ведь зачастую в мировосприятии носителя русского языка кажимость сопрягается с негативным полюсом шкалы оценок. Характеристика, содержащая оценку эксплицитного типа, выглядит следующим образом: *Необычайная физическая сила и мастерское владение оружием, равно как и его высокое происхождение, привлекли к нему внимание полковых офицеров. При всем том Босуэл отличался крайней распущенностью и страстью к грабежам, которая была свойственна большинству солдат, привыкших выполнять обязанности правительственных агентов по взысканию штрафов и недоимок, требовать постоя и всячески притеснять отказывавшихся повиноваться правительству пресвитериан.*

Вторым наиболее типичным случаем, когда переводческий комментарий необходим для экспликации оценки, является употребление таких приемов, как каламбур, игра слов: это именно тот случай, когда эквивалент в языке-рецепторе найти практически нельзя. Ср.:

<p>— За дочкой пришла, за Магдален Мардоксон! — закричала старуха во всю мочь своего надтреснутого голоса. — Сколько раз тебе повторять? Коли ты глух, так нечего здесь сидеть и заставлять людей надрываться.</p> <p>— Она пришла за дочкой, сэр, — сказал тот же клерк, который навлек на себя негодование старухи. — Дочку ее вчера забрали, по прозвищу Мэдж Уайлдфайр.</p> <p>— По прозвищу <i>Хеллфайр</i>! — подхватила старуха. — А ты-то кто таков, чтобы так обзывать дочку порядочной женщины?</p>	<p>“It’s my bairn! — it’s Magdalen Murdockson I’m wantin’,” answered the beldam, screaming at the highest pitch of her cracked and mistuned voice — “havena I been telling ye sae this half-hour? And if ye are deaf, what needs ye sit cockit up there, and keep folk scraughin’ t’ye this gate?”</p> <p>“She wants her daughter, sir,” said the same officer whose interference had given the hag such offence before — “her daughter, who was taken up last night — Madge <i>Wildfire</i>, as they ca’ her.”</p> <p>“Madge <i>Hellfire</i>, as they ca’ her!” echoed the beldam “and what business has a blackguard like you to ca’ an honest woman’s bairn out o’ her ain name?”</p>
---	--

(The Heart of Mid-Lothian)

Комментарий переводчика в данном случае акцентирует внимание и на том, что перед нами непереводаемая игра слов; переводчик указывает в примечании, что *Wildfire* — *болотный огонь*, *Hellfire* — *адский огонь*. Первое из прозвищ можно расценивать как амбивалентное; оно отражает как особенности характера героини, ментального состояния (блуждающий и неверный свет ее больного разума), так и специфику ее действий (подвижность, которая также позволяет уподобить ее болотному огоньку). Во втором прослеживается негативная оценочность (*ad* в любом языке сопряжен только с пейоративным полюсом оценочной шкалы); переводческий комментарий позволяет актуализировать в сознании русскоязычного читателя и семантику проклятия, что, в свою очередь, служит целям более точной и глубокой интерпретации персонажных оценок.

На наш взгляд, непереводаемая игра слов всегда прагматически нагружена и несет в себе позитивное/негативное отношение как автора, так и героя, и главным образом этот фактор обуславливает необходимость переводческого комментария, который позволяет выявить аксиологический фон контекста:

<p>Вот уж это, ваше преподобие, я не могу сказать. Никак не поручусь, что <i>она не родилась в Уитхэме</i>. Дядюшка Гиббс следил за ней во время службы — так он говорит, что она ни в чем толком не разбиралась, словно нехристь какой, хотя Мэдж Мардоксон и помогала ей, а что до того, чтобы позаботиться о себе, так она ведь шотландка, а у них, известно, самый никудышный человек и тот за себя постоять умеет. И потом она совсем прилично одета, не то что то пугало.</p>	<p>“Why, your Reverence,” replied Stubbs, “I cannot just say — I will be sworn <i>she was not born at Witt-ham</i>; for Gaffer Gibbs looked at her all the time of service, and he says, she could not turn up a single lesson like a Christian, even though she had Madge Murdockson to help her — but then, as to fending for herself, why, she’s a bit of a Scotchwoman, your Reverence, and they say the worst donnot of them can look out for their own turn — and she is decently put on enow, and not bechounded like t’other.”</p>
---	--

(The Heart of Mid-Lothian)

Примечание автора дает возможность узнать, что каламбур употребляется только в одном графстве и означает, что данный человек не блещет особым умом. В то же время переводчик не просто приводит в своем комментарии глоссу *Wit* (*yum*) — *ум, рассудок* (англ.); он выявляет скрытое аксиологическое противопоставление

(на мелиоративном полюсе шкалы оценок – здравый ум, характеристика главной героини; на негативном – безумие ее спутницы).

Отражение локальной специфики (Виссон 2010: 52-54) аксиологически ориентированных характеристик представляет собой еще одну функцию переводческого комментария, ср.:

<p>Уж придется посидеть на пшеничной муке, - сказал Нийл, в тоне которого слышалась покорность печальной необходимости. - Это не такая уж плохая еда, хотя она и не по вкусу настоящим шотландцам и не так идет на пользу желудку, как овсяная, да еще смолотая на ручной мельнице; а вот англичане, те живут главным образом ею; ведь эти <i>пок-пудинги</i> ничего лучшего и не знают.</p>	<p>We maun gar wheat-flour serve us for a blink," said Niel, in a tone of resignation; "it's no that ill food, though far frae being sae hearty or kindly to a Scotchman's stomach as the curney aitmeal is; the Englishers live amaisht upon't; but, to be sure, <i>the pock-puddings</i> ken nae better.</p>
--	--

Даже для читателя, владеющего английским языком, далеко не очевидна негативная оценочность отмеченной характеристики, прозвучавшей из уст персонажа; о ней можно лишь догадываться на основании контекста (структуры предложения, оценочного потенциала указательного местоимения, заменившего в русском переводе определенный артикль). И лишь при обращении к переводческому комментарию актуализируется высокая степень негативной оценочности: *пок-пуддинг – обжора, презрительное прозвище, данное шотландцами англичанам.*

Основанием, порождающим неперебиваемую игру слов, может послужить и оговорка:

<p>Почтенная дама извинилась перед капитаном «<i>Нокандером</i>», как она называла их хозяина, но прибавила: — Как говорят у нас в Чeshire, со мной приключилось то же самое, что с мэром Олтрингэма, который лежал, бывало, в постели до тех пор, пока не починят его штанов. Девушка принесла в мою комнату не тот узел, и пока она их все не перетаскала, так и не добралась до нужного. Итак, как я полагаю, мы все направляемся сегодня в церковь. Но скажите мне, пожалуйста, капитан <i>Нокандер</i>, неужели у вас на севере тут так заведено, что мужчины ходят в церковь в нижних юбках? — Капитан <i>Нокандер</i>, а не <i>Нокандер</i>, коли вам угодно, сударыня: потому, что я, сударыня, никому не подчиняюсь.</p>	<p>The dame apologised to Captain <i>Knockunder</i>, as she was pleased to term their entertainer; "but, as we say in Cheshire," she added, "I was like the Mayor of Altringham, who lies in bed while his breeches are mending, for the girl did not bring up the right bundle to my room, till she had brought up all the others by mistake one after t'other — Well, I suppose we are all for church today, as I understand — Pray may I be so bold as to ask, if it is the fashion for your North country gentlemen to go to church in your petticoats, Captain <i>Knockunder</i>?" "Captain of <i>Knockunder</i>, madam, if you please, for I knock under to no man; and in respect of my garb...</p>
---	--

(The Heart of Mid-Lothian)

В переводческом комментарии выявлена оценочность фразового глагола *to knock under* (*нок андер*) — *по-английски «покориться»*, не являющегося частотным.

В качестве третьего вида экспликации оценки путем использования переводческого комментария следует отметить литературные реминисценции, ср.:

<p>...большая часть перечисленных в расписках съестных припасов не была доставлена в замок из-за жадности посланных для их сбора драгун, охотно распродававших каждому, кто пожелает, то, что им удалось отобрать у другого, бесстыдно злоупотребляя требованиями майора, - совсем как сэр Джон Фальстаф, торговавший рекрутами короля.</p>	<p>... most of these provisions never reached the garrison, owing to the rapacity of the dragoons sent to collect them, who readily sold to one man what they took from another, and abused the Major's press for stores, pretty much as Sir John Falstaff did that of the King for men.</p>
---	--

(The Old Mortality)

Комментарий переводчика содержит отсылку к источнику данного имени-квасистереотипа, а также расшифровку смысла реминисценции: *Фальстаф - персонаж нескольких пьес Шекспира. Фальстаф - пьяница, обжора. Здесь имеется в виду сцена 2-я IV акта "Короля Генриха IV", ч. I. "Будь я просто селедка в рассоле, - говорит в этой сцене Фальстаф, - если мне самому не стыдно за своих солдат. Я самым дьявольским образом злоупотребил доверием короля... Взамен полтораста новобранцев я получил триста с чем-то фунтов".* Если имя шекспировского героя, ставшее оценочным квазистереотипом в английской культуре, является своеобразным оценочным сигналом и для русскоязычного реципиента, то сама реминисценция и ее аксиологический «базис», безусловно, требуют эксплицирования, что входит в функции переводческого комментария.

Четвертый способ актуализации оценки в переводческом комментарии связан по преимуществу с интенсификацией оценки путем раскрытия внутренней формы слова (в особенности – в тех случаях, когда в нем наличествует архаика):

<p>- <i>Думстер</i>, огласи приговор! При появлении долговязого <i>думстера</i> в зловещей черной с серым одежде, обшитой серебряным галуном, все расступились с невольным ужасом, оставив для него широкий проход. Это был не кто иной, как палач; присутствующие старались избежать прикосновения к нему, а те, кому это не удалось, чистили свою оскверненную одежду. Все затаили дыхание, как это бывает перед чем-нибудь ужасным. Злодей при всей своей закоренелой жестокости, казалось, чувствовал, какое он возбуждает отвращение, и стремился поскорее уйти, подобно зловещим птицам, боящимся света и чистого воздуха.</p> <p>Произнося слова приговора вслед за секретарем суда, он поспешно пробормотал, что осужденная Юфимия Динс должна быть отведена обратно в Эдинбургскую темницу и содержаться там до среды... месяца... дня, а в указанный день, между двумя и четырьмя часами пополудни, должна быть доставлена на городскую площадь для свершения над ней смертной казни через повешение. «Таков приговор», — прокаркал <i>думстер</i>.</p> <p>С этими зловещими словами он исчез, точно адский дух, свершивший свое дело; но ужас, вызванный его появлением, еще долго не рассеивался среди присутствующих.</p>	<p>- <i>Doomster</i>, read the sentence.</p> <p>When the <i>Doomster</i> showed himself, a tall haggard figure, arrayed in a fantastic garment of black and grey, passmented with silver lace, all fell back with a sort of instinctive horror, and made wide way for him to approach the foot of the table. As this office was held by the common executioner, men shouldered each other backward to avoid even the touch of his garment, and some were seen to brush their own clothes, which had accidentally become subject to such contamination. A sound went through the Court, produced by each person drawing in their breath hard, as men do when they expect or witness what is frightful, and at the same time affecting. The caitiff villain yet seemed, amid his hardened brutality, to have some sense of his being the object of public detestation, which made him impatient of being in public, as birds of evil omen are anxious to escape from daylight, and from pure air.</p> <p>Repeating after the Clerk of Court, he gabbled over the words of the sentence, which condemned Euphemia Deans to be conducted back to the Tolbooth of Edinburgh, and detained there until Wednesday the day of — — and upon that day, betwixt the hours of two and four o'clock afternoon, to be conveyed to the common place of execution, and there hanged by the neck upon a gibbet. "And this," said the <i>Doomster</i>,</p>
--	--

(Cont.)

Осужденная — ибо теперь мы вынуждены так называть ее, — обладавшая более тонкой нервной организацией, чем ее отец и сестра, как оказалось, не уступала им в мужестве. Она выслушала приговор, не дрогнув, и только при появлении думстера закрыла глаза. Когда страшный призрак удалился, она первая нарушила молчание.

aggravating his harsh voice, “I pronounce for doom.” He vanished when he had spoken the last emphatic word, like a foul fiend after the purpose of his visitation had been accomplished; but the impression of horror excited by his presence and his errand, remained upon the crowd of spectators.

(The Heart of Mid-Lothian)

Приведенный контекст прагматически насыщен, буквально пронизан аксиологически ориентированными метафорами; создается своеобразная ситуация, при которой оценочный потенциал лексической единицы и закрепленный за ней знак оценки (негативный, с высокой степенью интенсивности) очевиден, при этом лексическое значение слова, его референциальная отнесенность остается неясной, что противоречит принципу пространственно-временной универсальности перевода, выявленному Бузаджи (2010). Таким образом, ситуация в данном случае прямо противоположна вышеприведенным: реципиент адекватно воспримет прагматику, но не семантику языковой единицы. Лишь с помощью переводческого комментария выясняется как семантика, так и основание возникновения пейоративно оценочного фона; казалось бы, переводчик просто расшифровывает значение слова: *Doomster* — «глашатая рока» (англ.), одна из функций палача в шотландском суде. По данным словаря, это значение слова архаично, что свидетельствует о необходимости комментария как способа восполнения лакуны. Так, по данным мультимедийного словаря Lingvo-12 на синхронной оси *Doom* означает 1) рок, судьба, фатум *Syn: fate, fortune* 2) гибель; кончина, смерть *to go to one's doom* — идти на верную смерть *to send a man to his doom* — посылать человека на верную смерть *Syn: death, decease* 3) юр. устар.; судебное решение; приговор *Syn: sentence* 4) декрет, статут 5) рел. ; = *Doom* Страшный суд *the day of Doom* — день Страшного суда, Судный день; конец света, светопрествление *the crack of Doom* — трубный глас, возвещающий начало Страшного суда; в свою очередь, *doomster* – 1) нессимист *Syn: doomsayer* 2) = *demster doomster informal* 1) a person habitually given to predictions of impending disaster or doom 2) archaic: a judge. «Комментарий этого рода не просто «переводит» на современный язык устаревшее слово и не просто объясняет ушедшее из жизни народа понятие — он контекстуально ориентирован, помогает раскрыть замысел автора, дать характеристику персонажа, увидеть событие или действующее лицо через призму описываемого времени, прочесть за текстом, между строк, то, что было известно и понятно современникам автора» (Тер-Минасова 2001: 97).

Говоря о пятом способе актуализации оценки и ее введении в светлое поле сознания реципиента, отметим, что специфика лексических либо фразеологических единиц, либо фрагментов текста, содержащих оценку такого рода, заключается в конфессиональной их направленности. Не подлежит сомнению, что различия в данной сфере являются одной из важнейших предпосылок возникновения различий в картине мира в целом; при этом в целом ряде случаев возникают такие лакуны, которые могут быть восполнены только путем экспликации оценки через переводческий комментарий. При этом следует отметить, что значительную роль в определении места данных оценочных единиц в картине мира реципиента

играет система координат «Пространство – Время»: в ряде случаев и для носителей современного английского языка их оценочный потенциал далеко не очевиден:

<p>Какого черта ворчит эта старая? По виду она из самых отъявленных виггов, какие когда-либо жили в горах. Ну как, матушка, отрекаетесь ли вы от своего <i>ковенанта</i>?</p> <p>- Какой <i>ковенант</i> изволит ваша честь разуть? Существует <i>ковенант труда</i>, существует и <i>ковенант искупления</i>. - поторопился вмешаться Кадди.</p> <p>- Любый <i>ковенант</i>, все <i>ковенанты</i>, какие только ни затевались, - ответил сержант.</p> <p>- Матушка! - закричал Кадди в самое ухо Моз, изображая, будто имеет дело с глухойю. - Матушка, джентльмен хочет узнать, отрекаетесь ли вы от <i>ковенанта труда</i>?</p> <p>- Всей душой, Кадди, - ответила Моз, - и молю Господа Бога, чтобы он уберег меня от сокрытой в нем западни.</p>	<p>"She looks as very a whig as ever sate on a hill-side. Do you renounce the <i>Covenant</i>, good woman?"</p> <p>"Whilk <i>Covenant</i> is your honour meaning? Is it the <i>Covenant of Works</i>, or the <i>Covenant of Grace</i>?" said Cuddie, interposing.</p> <p>"Any <i>covenant</i>; all <i>covenants</i> that ever were hatched," answered the trooper.</p> <p>"Mither," cried Cuddie, affecting to speak as to a deaf person, "the gentleman wants to ken if ye will renounce the <i>Covenant of Works</i>?"</p> <p>"With all my heart, Cuddie," said Mause, "and pray that my feet may be delivered from the snare thereof."</p>
---	---

(The Old Mortality)

«Пуританская терминология», носящая порой казуистический характер (с точки зрения наших современников – носителей как русского, так и английского языка) и имплицитно заложенная в ней оценочность может быть воспринята на уровне контекстуального осмысления, но без соответствующего историко-культурного и переводческого комментария восприятие прагматического ореола будет, безусловно, неполным. Комизм ситуации заключается и в том, что полисемант *covenant*, по данным Lingvo-12, может означать как 1) договорённость, сделка, соглашение; договор Syn: agreement, compact I, concordat, contract 1., understanding 1., arrangement 2) отдельная статья договора 3) завет the Old Covenant — Ветхий Завет the New Covenant — Новый Завет the Land of the Covenant — "Земля завета", Земля обетованная 2. 1) заключать соглашение Syn: contract 2. 2) связывать себя обязательствами (по договору) Syn: pledge;

так и 2. *Covenant* history any of the bonds entered into by Scottish Presbyterians to defend their religion, esp one in 1638 (National Covenant) and one of 1643 (Solemn League and Covenant) *Covenant* ковенант (соглашение шотландских пуритан для защиты кальвинизма и независимости Шотландии; наиболее известны: ковенант 1638, направленный против абсолютистской политики Стюартов, и ковенант 1643. Таким образом, одна и та же лексическая единица в устах разных персонажей означает принципиально разные понятия. Именно поэтому в процессе восприятия текста реципиент должен актуализировать фоновые знания, которые, как уже упоминалось выше, вряд ли входят в его картину мира и могут быть восполнены только через комментарий: *Существует ковенант труда, существует и ковенант искупления?* - Босуэл, задавая свой вопрос Моз, имеет в виду шотландский национальный ковенант (1638 г.), т.е. торжественную клятву шотландских пресвитериан бороться за свои религиозные верования против англиканской церкви и поддерживавшего ее правительства Карла I. Таким образом, слово

ковенант на устах Босуэла - символ неповиновения королевской власти. Кадди, говоря о ковенанте труда и ковенанте искупления, имеет в виду закон, данный Богом человеку, согласно которому человек должен "трудиться в поте лица своего", а Бог пошлет искупителя греха человеческого (Христа); согласно протестантскому вероучению, человек может искупить свои грехи только верою, без добрых дел. Босуэл, не зная пуританской терминологии, не понимает уловки Кадди и удовлетворяется ответом Моз.

Конфессиональная лексика также может послужить основой для возникновения каламбура (специфика комментария применительно к данному явлению уже рассматривалась нами выше):

<p>Я всегда делал все, что вы мне велели; я ходил в церковь по воскресеньям, как вы хотели, и, кроме того, заботился о вас во все дни недели, а беспокоюсь я больше всего о том, как мне вас прокормить в это тяжелое время. Не знаю, смогу ли я пахать на каком-нибудь поле, кроме господского или Маклхема; ведь я никогда не работал на другой земле, и она не будет мне родной и знакомой. И ни один из окрестных землевладельцев не осмелится взять нас к себе в поместье после того, что нас прогнали отсюда, как <i>нонэормистов</i>.</p> <p>- <i>Нонконформистов</i>, милый, - вздохнула Моз, - таким именем окрестили нас люди.</p> <p>- Ну что ж! Придется уйти подальше, может, за двенадцать или пятнадцать миль.</p>	<p>I am no clear if I can pleugh ony place but the Mains and Mucklewhame, at least I never tried ony other grund, and it wadna come natural to me. And nae neighbouring heritors will daur to take us, after being turned aff thae bounds for <i>non-enormity</i>."</p> <p>"<i>Non-conformity</i>, hinnie," sighed Mause, "is the name that thae warldly men gie us."</p> <p>"Weel, aweel-we'll hae to gang to a far country, maybe twall or fifteen miles aff».</p>
---	--

(The Old Mortality)

В переводческом комментарии эксплицирована игра слов, трансформирующая нейтральную лексическую единицу в пейоративную оценку высокой интенсивности. Переводчик отмечает, что *enormity* - по-английски "гнусность"; далее им приведена аксиологически ориентированная информация лингвострановедческого характера, своего рода энциклопедический комментарий, восполняющий лакуну как на пространственной («иная культура»), так и на временной оси: *Нонконформисты*. - В 1662 г. правительство Карла II провело через парламент так называемый *Акт о единообразии в богослужении*. Согласно этому акту, к богослужению могли допускаться лишь священники признанного правительством англиканского исповедания; около двух тысяч пресвитерианских священников в связи с этим вынуждены были покинуть свои общины. Лица, не подчинившиеся (по-английски *подчиняться - to conform*) этому акту, стали называться *нонконформистами*.

В рамках данного, пятого типа экспликации оценки путем использования переводческого комментария, отметим также обращение к именам с культурным коннотативным компонентом, прагматическая нагруженность которых, казалось бы, должна способствовать восприятию перевода, т.к. для всех, соприкасающихся с христианской культурой, данные антропонимы и топонимы имеют одинаковый оценочный ореол и ориентированы на одни и те же прецедентные тексты (в

частности, это Библия). Однако зачастую они также играют роль «ложных друзей» переводчика: так, для носителя русского языка *Вавилон* чаще всего ассоциируется с *вавилонским столпотворением (вавилонской башней)*; в тексте же романа В Скотта «The Old Mortality» мы видим следующее:

<p>И я говорю вам: возьмите этого Генри Мортон, этого мерзостного <i>Ахана</i>, принесшего с собой то, что проклято Господом, и побратавшегося с врагами в их стане, возьмите его, и побейте камнями, и сожгите в огне, дабы отвратить гнев Господень от чад ковенанта. Он не облекся в одежды вавилонские, но продал одежды праведника <i>жене Вавилона</i>; он не взял двухсот сиклей чистого серебра, но предал истину, которая драгоценнее серебряных сиклей или золота в слитках.</p>	<p>Wherefore, I say, take this Henry Morton – this wretched <i>Achan</i>, who hath brought the accursed thing among ye, and made himself brethren in the camp of the enemy – take him and stone him with stones, and thereafter burn him with fire, that the wrath may depart from the children of the Covenant. He hath not taken a Babylonish garment, but he hath sold the garment of righteousness to the <i>woman of Babylon</i> – he hath not taken two hundred shekels of fine silver, but he hath bartered the truth, which is more precious than shekels of silver or wedges of gold.</p>
--	--

При вполне ясном знаке оценки (негативном) и отчетливо выявляемом прагматическом значении реципиент вряд ли адекватно воспримет семантическую структуру отмеченных онимов без соответствующего пояснения, данного в комментарии переводчика: *Ахан – один из воинов Иисуса Навина, скрывший добычу, взятую им в Иерихоне. Сделав это, Ахан, по понятиям иудеев, преступил закон, так как иерихонская добыча была заранее обещана Богу. Иудеи побили Ахана камнями (Библия); Он не облекся в одежды вавилонские, но продал одежды праведника жене Вавилона... - В Библии, в рассказе об Ахане, среди его добычи упоминаются взятая им одежда и двести сиклей серебра. "Жена Вавилона" - здесь: Эдит Белленден. У пуритан, так же как и в Библии, Вавилон - олицетворение разврата и нечестивости.*

Можно предположить, что выявленные нами пять способов экспликации оценочного потенциала языковых единиц при помощи переводческого комментария – это далеко не полный перечень всех возможных его функций применительно к аксиологической структуре и прагматической составляющей текста. Именно переводческий комментарий зачастую раскрывает для реципиента перевода те «кирпичики смысла», «составляющие содержание высказывания, которые дополнительно интерпретируются по отношению к конкретным предметам мысли. Такая вторичная актуализация значений языковых единиц в значительной степени расширяет и обогащает информацию, которую коммуниканты могут извлечь из отдельных высказываний и текста в целом» (Комиссаров 2001: 77). На наш взгляд, переводческий комментарий как способ экспликации оценки позволяет преодолеть тот барьер, который возникает либо при отсутствии в апперцепционной базе реципиента – носителя *target language* – данных аксиологически ориентированных понятий, либо при соотносительности их с иной зоной оценочной шкалы. Значимость его заключается, как уже указывалось выше, и в том, что он компенсирует потери смысла, связанные в основном с прагматикой переводимого текста, и в этом плане он незаменим. Применительно к выявленным нами типам экспликации оценочных значений (и в особенности – в случае с третьим, четвертым и пятым

типами) эта роль переводческого комментария является главенствующей. В то же время в современном переводоведении (равно как и в современной лингвистике) комментарии изучены недостаточно; потенциал же переводческого комментария как специфического средства, с помощью которого осуществляется диалог культур, значителен, что обуславливает необходимость его исследования, ведь «перевод – это диалог и конфликт сознаний, это автор и читатель, это говорящий и слушающий, это взаимодействие и взаиморазвитие культур и, наконец, это путь к мировой культуре» (Нестерова 2005).

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 БУЗАДЖИ, Д.М. (2010): «Разумный консерватизм (о принципе пространственно-временной универсальности перевода)», <http://www.thinkaloud.ru/featureak.html>
- 2 ВИССОН, Л. (2010): *Слова-хамелеоны и метаморфозы в современном английском языке*. Р. Валент, Москва.
- 3 ГУСЕВА, А.А. (2009): *Интертекстуальность как переводческая проблема (на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
- 4 КАЗАКОВА, Т.А. (2000): *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. - СПб.: Издательство Союз <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://samlib.ru/>
- 5 КОМИССАРОВ, В.Н. (2001): *Введение в современное переводоведение*. Учебное пособие. - М.: ЭТС.
- 6 НЕСТЕРОВА, Н.М. (2005): *Вторичность как онтологическое свойство перевода*: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Пермь. <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/190311.html>
- 7 ТЕР-МИНАСОВА, С.Г. (2000): *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.